

**«ДАСТУР АЛ-КАТИБ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И КАНЦЕЛЯРСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЯРЛЫКА О НАЗНАЧЕНИИ ЭМИРА УЛУСА)**

Л.Ф. Абзалов¹, М.С. Гатин², И.А. Мустакимов^{3,4}, Р.Ю. Почекаев^{5,6}

^{1, 2, 3} Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация

¹ len_afzal@mail.ru, ² marat_gata@mail.ru, ³ imus2007@mail.ru

⁴ Национальная библиотека Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация

⁵ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁶ НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»
Барнаул, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru

Цель исследования: продемонстрировать значение исторического памятника персидского происхождения XIV в. как возможного источника сведений о государственности, праве и делопроизводстве Золотой Орды, проанализировать правовые основы назначения и деятельности улусных эмиров.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют тексты ярлыков правителей монгольского Ирана, включенных в трактат Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб», в оригинале и немецком переводе Й. фон Хаммер-Пургшталя, а также другие средневековые источники о Золотой Орде и Иране эпохе Хулагуидов и Джалаиридов. Основными методами исследования являются общ исторический, формулярный, историко-правовой, сравнительно-исторический анализ, в совокупности формирующие междисциплинарный подход, позволяющие извлечь максимум полезной информации из изучаемых документов по различным аспектам истории государств Джучидов и Хулагуидов.

Научная новизна заключается в том, что впервые вводится в русскоязычный научный оборот текст первого ярлыка о назначении эмира улуса из «Дастур ал-катиб» Мухаммеда Нахчивани, который также исследуется на междисциплинарном уровне – как исторический источник, образец монгольского имперского делопроизводства и правовой памятник.

Результаты исследования: на основе анализа текста ярлыка реконструируется правовой статус эмира улуса как одного из высокопоставленных чиновников в государствах Чингизидов, выявляются требования, предъявляемые к кандидатам на этот пост, права и обязанности этого сановника, проводятся параллели между данными должностями в Иране и Улусе Джучи. Сравнительный формулярный анализ позволяет выявить сходства в оформлении деловых документов монгольского Ирана и Золотой Орды, убедительно подтверждая единство канцелярской традиции в государствах, выделившихся из состава Монгольской империи.

Ключевые слова: Золотая Орда, монгольский Иран, Мухаммед б. Хиндушах Нakhchivani, дипломатика, ярлык, эмир, улус, Й. фон Хаммер-Пургшталь

Для цитирования: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 EDN: DAFJXN

**“DASTUR AL-KATIB” AS A SOURCE ON HISTORY OF STATE,
LAW AND CHANCELLERY CULTURE OF THE GOLDEN HORDE
(BY THE EXAMPLE OF YARLIGHS ON THE APPOINTMENT
OF EMIRS OF THE ULUS)**

L.F. Abzalov¹, M.S. Gatin², I.A. Mustakimov^{3,4}, R.Yu. Pochekaev^{5,6}

^{1, 2, 3} Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

¹ len_afzal@mail.ru, ² marat_gata@mail.ru, ³ imus2007@mail.ru

⁴ National Library of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation

⁵ National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation

⁶ Scientific and Educational Center of Altaistics and Turkology “The Great Altai”
Barnaul, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru

Abstract: Research objectives: To use historical monuments of Persian origin from the 14th c. as a possible source for the political, legal, and chancellery history in the Jochid Ulus and for specific features of the status of “emir of ulus”, a type of high official in Chinggisid states.

Materials and methods of research: The basic materials are yarligths included into the “Dastur al-katib” of Muhammad b. Hindushah Nakhchivani in its Persian original as well as in German translation by J. von Hammer-Purgstall. The present work also employs other medieval sources on history of the Golden Horde and Iran in the Hulaguid and Jalayir epochs. The methods of research are historical, diplomatic, historical, legal, and comparative historical analysis which amount to an interdisciplinary approach which allows to study historical documents with the highest effectiveness.

Scientific novelty: This represents the first Russian translation of the first yarligh on the appointment of the emir of ulus from the “Dastur al-katib” which is studied as a historical source, an example of Mongol chancellery practices, and as a legal monument.

Results of the research: The analysis of this document allows one to reconstruct the legal status of the emir of ulus as a high official in Chinggisid states, the requirements for candidates of this position, the rights and obligations of this official, while drawing parallels between similar positions in Iran and the Golden Horde. Comparative diplomatic analysis allows one to clarify similarities in the official paper work in uluses of Hulaguids and Jochids and to confirm the common roots of chancellery traditions in these states that were heirs of the Mongol Empire.

Keywords: Golden Horde, Mongol Iran, Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, Mongol diplomatics, yarligh, emir, ulus, J. von Hammer-Purgstall

For citation: Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Dastur al-katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (by the example of yarlighs on the appointment of emirs of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 (In Russian)

Введение

Как известно, делопроизводственная документация является важнейшим источником для изучения истории государств и обществ. К сожалению, до нас дошло немного золотоордынских документальных источников. Это ханские жалованные акты и послания иноземным правителям, традиционно объединяемые термином «ярлыки», а также несколько грамот ханши Тайдулы и ханских наместников. Значительная часть из этих документов представлена в переводах на русский, латинский и итальянский языки [8; 9; 10; 18; 23; 35; 37]. В связи с этим важным источником для реконструкции канцелярской культуры Улуса Джучи, равно как и отдельных аспектов истории его государства и права, служат делопроизводственные материалы других государств Чингизидов [1; 9]. В настоящей работе предпринимается попытка анализа в качестве источника по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды одного из таких источников – «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного на персидском языке в монгольском Иране эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиридов.

Возможность применить сведения этого источника, а вернее – образцов ханских указов (ярлыков) как источника сведений о власти и управлении в Улусе Джучи впервые предпринял еще Й. фон Хаммер-Пургшталь в первой половине XIX в. Перевод ряда ярлыков из «Дастур ал-катиб» осуществил также В.Г. Тизенгаузен, возможно, планируя включить их во второй том «Сборника материалов по истории Золотой Орды», однако эта работа осталась незавершенной [33]. В дальнейшем к материалам «Дастур ал-катиб» обращался также и А.Ю. Якубовский, проводя параллели между властными институтами улусов Джучидов и Хулагуидов. Однако, насколько нам известно, дальше краткой констатации возможности использования этого источника для изучения различных аспектов истории Золотой Орды, эти авторы не пошли [7, с. 104]. Отдельные отрывки из «Дастур ал-катиб», используя перевод В.Г. Тизенгаузена, опубликовал в своем исследовании С. Хатиби [37, с. 94-116]. Один образец указа о назначении эмира яргу увидел свет в переводе П.М. Мелиоранского [20].

Авторы настоящей статьи предпринимая попытку развить наблюдения упомянутых исследований и на конкретном примере продемонстрировать в какой степени «Дастур ал-катиб» может стать источником сведений о государстве, праве и делопроизводстве Улуса Джучи. В качестве примера выбран ярлык о назначении эмира улуса, который впервые переводится на русский язык.

Поскольку первым исследователем, введшим ярлыки из «Дастур ал-катиб» в научный оборот, стал вышеупомянутый Й. фон Хаммер-Пургшталь, представивший переводы значительной части этих документов в приложении к своему труду по истории Золотой Орды [50, s. 463–516], авторы сочли целесообразным включить в статью, помимо перевода ярлыка с оригинала, также перевод на русский язык соответствующего документа из работы Хаммер-Пургштала. Тем самым они не только стремятся подчеркнуть значимость работы первого европейского переводчика этих документов, но и избежать необходимости постоянного сравнения отдельных пассажей современного перевода ярлыка с переводом немецкого востоковеда в виде отсылок к его работе. Кроме того, параллельная публикация двух переводов документа, как представляется, позволит наглядно проследить эволюцию в изучении средневековых документов чингизидских улусов – начиная с немецкой востоковедной школы первой половины XIX в. и до настоящего времени, с учетом достижений в ориенталистике по состоянию на начало XXI в.

Поскольку публикуемый ярлык является одновременно и историческим, и правовым памятником, его переводы снабжаются археографическим, историографическим, дипломатическим и историко-правовым комментариями – что и обусловило сотрудничество в процессе подготовки статьи специалистов разного профиля. Также хотелось бы отметить, что настоящая статья является первой из ряда запланированных публикаций комментированных переводов ярлыков из «Дастур ал-катиб», введение которых в научный оборот, как представляется, позволит пролить свет на разные стороны политической, государственно-правовой истории и канцелярской культуры государств Чингизидов XIV в.

Источниковедческая справка: источник и его автор. Биографические данные о Мухаммеде Нахчивани весьма скудны. Родился он в семье ученого и высокопоставленного чиновника Хулагуидов Фахр ад-Дина Хиндушаха. По предположению А.А. Али-заде, время раннего детства Мухаммеда б. Хиндушаха пришлось на период правления ильхана Аргуна (1284–1291). Мухаммед Нахчивани находился в очень близких отношениях с сыном знаменитого Рашид ад-Дина Гияс ад-Дином Мухаммедом Рашиди (ум. 1336) – везиром Хулагуидов Абу Са'ида и Арпа-хана. Именно по совету Гияс ад-Дина, ценившего его опыт и обширные познания, Мухаммед Нахчивани взялся за написание своего знаменитого трактата, посвятив его впоследствии джалаирскому¹ правителю султану Увайсу [22, с. 5–6].

Точное время написания труда неизвестно. В.В. Бартольд ограничился указанием на вторую половину XIV в. [2, с. 365]. И.П. Петрушевский полагал, что работа составлена около 1361 г. [15, с. 215], около 1360 г. [23а, с. 61, прим. 2] или около 1357–58 г. [23а, с. 266]. По мнению Ш. Байани, книга Мухаммеда Нахчивани была написана в середине VIII в. хиджры [45, s. 416]. А.А. Али-заде обратил внимание на запись переписчика в одном из старейших списков «Дастур ал-катиб» (датированном 798/1396 г.), взятом им за

¹ Вслед за В.В. Бартольдом мы считаем более правильным для обозначения правившей частью Хулагуидской державы династии выходцев из монгольского племени джалаир использовать термин «Джалаиры», а не утвердившийся в историографии термин «Джалаириды» [2, с. 365, прим. 2].

основу при подготовке научно-критического издания труда Мухаммада б. Хиндушаха. По сообщению переписчика, произведение вчерне было закончено в 761/1360 г., а окончательно доработано и отредактировано автором в 767/1365–66 г. [21а, с. 15–16]. Г.Р. Рёмер также относил время составления трактата к периоду между 1360 и 1366 гг. [53, s. 15]. Датированные образцы документов, представленных в «Дастур ал-катиб», позволяют сделать вывод, что этот труд составлен не ранее 761/1360 г. Датировка составления «Руководства для писца» периодом правления джалаирского султана Шейх-Увейса (1356–1374 гг.), представляется нам наиболее обоснованной.

Сочинение Мухаммеда Нахчивани состоит из предисловия (*мукаддама*), двух частей (*кисм*) и заключения (*хатима*, *натиджа*). Первая часть состоит из четырех разрядов (*мартаба*), вторая часть – из двух глав (*баб*) [21а, с. 10; 45, s. 416]. Первая часть труда Мухаммеда б. Хиндушаха состоит из образцов переписки представителей высших сословий, официальных обращений и ответов на них. Представленные материалы содержат сведения об особенностях аграрного хозяйства и налогообложения, о социально-экономической и политической истории монгольского Ирана. Во второй части сочинения Мухаммеда Нахчивани содержатся многочисленные образцы указов джалаирских правителей по вопросам административных назначений с пояснениями функций некоторых должностных лиц.

Из труда Мухаммеда Нахчивани следует, что управление государством осуществлялось по трем направлениям: военному, гражданскому и духовно-судебному. Во главе военного направления стоял эмир улуса (*амир الوس*), который назначался из «великих эмиров» (*амрай بزрг*). В сферу компетенции эмира улуса входило обеспечение безопасности, отражение внешних и внутренних врагов на подведомственной ему территории [22, с. 10 араб. паг.]. В непосредственном подчинении эмира улуса находились эмиры улька (областей), туменов, тысяч и сотен. Гражданская власть, связанная с управлением оседлым населением и функционированием финансово-податной системы, осуществлялась членами Великого дивана во главе с везиром. Духовно-судебную власть над оседлым мусульманским населением осуществляли верховный кадий и областные кадии.

В.В. Бартольд считал трактат Мухаммеда б. Хиндушаха «важным источником для истории не только Персии, но и прочих монгольских государств, в частности Золотой Орды» [2, с. 365]. И.П. Петрушевский отмечал, что в Иране при Джалаирах сохранялись те же государственные формы и правовые формулы, что и при Хулагуидах [23а, с. 21]. П. Винг также отмечает, что Джалаиры стремились сохранить общественно-политический строй, установившийся при Хулагуидах, позиционируя себя как законных наследников последних. Они опирались на старую монголо-иранскую бюрократическую элиту, в интересах которой также было сохранение тех моделей управления, которые правители-Джалаиры стремились поддерживать [60, р. 2, 3]. В связи с этим мы не разделяем пессимизм Б. Шпулера [54, s. 417–418, n. 92] и полагаем возможным шире использовать сведения, содержащиеся в канцелярском руководстве Нахчивани, как при рассмотрении истории монгольского Ирана, так и при изучении Джучиева Улуса.

В настоящей статье вниманию читателей предлагается перевод на русский язык указа (ярлыка) о назначении эмира улуса. За основу перевода с

персидского на русский язык взят критический текст «Дастур ал-катиб», подготовленный А.А. Али-заде.

Сведения, содержащиеся в данном ярлыке, несколько расходятся с информацией об устройстве государственного управления в державе Хулагуидов, приводимой в своих канцелярских пособиях мамлюкскими авторами XIV в. ал-Умари и во многом повторяющим его ал-Калкашанди, и оказавшей значительное влияние на историографию, в особенности на работы по истории Улуса Джучи. Как пишут названные авторы, в монгольском Иране было четыре «улусных эмира» (امراء الالوس), может быть переведено как «эмиры улуса»), один из которых был старшим и носил тюркский титул беклербек (بيكلار بيگي)² («бек над беками») (араб. *амир ал-умара* (امير الامراء), перс. *мир-и миран* (ميرميران)) [54, s. 436]. При этом отмечалось, что аналогичная структура управления существовала в Улусе Джучи [34, с. 249, 411–412]³. Из данного сообщения исследователями, как правило, делается вывод о том, что территория Золотой Орды делилась на четыре части – улуса, во главе каждой из которых стоял улусный эмир [см., напр.: 13, с. 40; 14, с. 165–166].

В «Дастур ал-катиб» приведено три вида (نوع) ярлыков о назначении эмира улуса. Согласно первому виду ярлыка, должность эмира улуса предполагала наделение ее обладателя полномочиями по отражению внешних врагов и осуществлению полицейских и судебных полномочий на всей территории «Иранского государства от Египта до Амударьи и от Персидского залива до Баб ал-Абваба (Дербента. – И.М.)»⁴ [22, с. 10 араб. паг.]. Два другие вида указа не говорят прямо о территории, входящей в сферу ответственности эмира улуса. Однако наименование назначаемого на должность во втором виде ярлыка «наместником нашего величества и эмиром Богохранимого улуса», а также то, что адресатами всех трех видов указа выступает всё население государства [22, с. 16 араб. паг.] (тогда как, например, в указах о назначении эмира улуса, стоящего ниже эмира улуса по административной лестнице, адресатами являются должностные лица и население конкретных вилайетов [22, с. 20, 22, 24 араб. паг.]) позволяет говорить о том, что и в остальных

² В очевидно ошибочной (но прочно вошедшей в отечественную историографию) передаче ал-Умари и вторящего ему ал-Калкашанди используется форма «беклярибек» (بيكلارى بيگ) [34, с. 227, 249, 401, 412].

³ Интересно, что ал-Умари, отмечая идентичность государственного устройства империи Хулагуидов и Золотой Орды, называет верховного эмира в обоих этих государствах «эмиром улуса» (امير الالوس) [34, с. 229]. Другой мамлюкский автор, Таки ад-Дин ‘Абд ар-Рахман ал-Кадави Ал-Муhibби (М. Фаверо отстаивает другую передачу имени этого автора: Ибн Назир ал-Джайш [36а, с. 49, прим. 32]) в своем письмовнике «Таскиф ат-та‘риф би-л-мусталах аш-шариф» («Исправление “Определения по части высокой терминологии”»), дополняющем канцелярский трактат ал-Умари, также титулет верховного эмира монгольского Ирана «эмиром улуса» (امير الالوس) или «улус-беком» (الوس بيگ). Ал-Муhibби пишет о четырех «правителях» (حكام) в Золотой Орде, но титулет их просто «эмирами». Ал-Муhibби ничего не говорит о сходстве административного устройства державы Хулагуидов и Улуса Джучи, хотя и не опровергает утверждение об этом ал-Умари [34, с. 347–348].

⁴ По справедливому замечанию С. Хатиби, приведенное в данном источнике перечисление границ представляет собой типичное преувеличение истинных границ государства Хулагуидов и Джалаиридов [37, с. 107, прим. 1].

двух ярлыках речь идет о распространении полномочий эмира улуса на всю территорию монгольского Ирана, точнее – на все его тюрко-монгольское кочевое население, составлявшее костяк армий Хулагуидов и Джалаиридов. По образцам других документов, представленных в трактате Мухаммеда Нахчивани?, можно сделать вывод о наличии в монгольском Иране более одного эмира улуса одновременно: первыми адресатами в некоторых образцах указов о назначении эмира яргуу, везира и наместника султанства (نایب سلطنت) названы «эмиры улуса» (امراء الویس) [22, с. 29, 89, 93 араб. паг.]. Основываясь на имеющихся материалах, трудно сказать, каким образом происходило разграничение полномочий между несколькими эмирами улуса. Возможно, ответить на этот вопрос более определенно поможет выявление и анализ новых источников.

Заслуживает внимания, что дата вступления в силу первого и второго ярлыков о назначении эмира улуса, а также названных образцов указов о назначении везира и наместника султанства совпадают: «пятьдесят девятый ханский год» (в первом образце ярлыка о назначении эмира улуса указано, что он соответствует 761 году хиджры (=23.11.1359–10.11.1360)) [20, с. 10, 16, 89, 93 араб. паг.]⁵. Речь идет о лунной хиджре, которой датированы не только персоязычные, но и монголыязычные документы ильханов XIV в. (в датировке последних, одновременно с лунной хиджрой, использовался циклический тюрко-монгольский животный календарь) [47, р. 17–19, 33; 8, с. 66–69]. Одновременное использование датировки по лунной хиджре и животному календарю было характерно и для джучидских актов XIV–XV вв. [35, с. 258]. Что касается указания «пятьдесят девятого ханского года», то, несомненно, имеется в виду т.н. «ильханская эра», введенная Газаном. Ее отсчет был начат 12 или 13 раджаба 701 г.х. (13 или 15 марта 1302 г.) [3, с. 322].

Историографическая справка: Йозеф фон Хаммер-Пургшталь – первый исследователь «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани. Первым исследователем в исторической науке, который обратился к переводу и изучению сочинения Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, был выдающийся немецкий ученый Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856)⁶. Российским исследователям этот ученый известен, прежде всего, как автор фундаментального труда по истории Золотой Орды. Ему долгое время не «везло» в отечественной исторической науке, его часто недооценивали. Дело в том, что начало изучения проблем истории Улуса Джучи в европейской науке было инициировано российской Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, которая предложила историкам России и Европы представить на конкурс работу о татаро-монгольских завоеваниях [5, с. 158–159]. Академией была получена солидная работа на немецком языке (рукопись объемом 1272 страницы!) Йозефа фон Хаммер-Пургштала. Но российская комиссия пришла к выводу о недостаточной проработке темы и отказала в премии единственной работе, представленной на конкурс. Главной претензией было то, что ученый мало использовал в своем труде русские источники.

⁵ В опубликованном С. Хатиби переводе указа о назначении везира ошибочно, отмечено, что «59-й ханский год» соответствует 759 году хиджры [37, с. 108].

⁶ Подробнее о нем см.: [6, с. 17–22].

Несмотря на все это, Й. фон Хаммер-Пургшталь опубликовал свою работу «История Золотой Орды в Кипчаке. Монголы в России» [48]. «Время покажет, – отметил во введении автор, – смогут ли русские ориенталисты написать лучшую историю Золотой Орды, чем эта».

Вот что писал по поводу решения российской академической комиссии и работы Й. фон Хаммер-Пургшталь М.Г. Сафаргалиев: «Неудачу Хаммера нельзя объяснить только поспешностью или неподготовленностью автора, в чем его упрекали оппоненты, впрочем, иногда и неуместно. Поднять впервые такой огромный материал, совершенно тогда неизученный, было не под силу одному исследователю... Позднейшие западноевропейские востоковеды, писавшие о Золотой Орде, не могли конкурировать с работой Хаммера ни в смысле привлечения новых источников, ни в смысле последовательности изложения истории Улуса Джучи» [30, с. 281–282].

Во всяком случае, ни в России, ни за рубежом в течение 100 лет не нашлось ученого, который бы взялся за эту тему после Й. фон Хаммер-Пургшталь. Только в 1937 году «сознавая, как важно иметь теперь же в обращении советскую книгу об Улусе Джучи, т.е. книгу, написанную с марксистско-ленинских позиций», два видных советских историка – Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский опубликовали работу «Золотая Орда», которая может считаться отечественным ответом на поставленные в 1832 году задачи Российской Императорской Академией наук. В предисловии своей работы, за третье издание которой книга была удостоена Сталинской премии II степени, А.Ю. Якубовский вынужден был признать, что «при всех огромных недостатках труда Хаммера, это был шаг вперед, который, конечно, заслуживал одобрения ученой комиссии» [7, с. 6].

Йозеф фон Хаммер-Пургшталь в своей «Истории Золотой Орды» в качестве одного из приложений представил перевод на немецкий язык образцов 36 разновидностей указов (ярлыков) из сочинения «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани. В основной же части работы ученый находит достаточно обоснованным использование сведений Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани для анализа положения государственных должностных лиц и воинских званий в Улусе Джучи [50, с. 237, 244]. Очевидно, что выбор Хаммер-Пургштальем 36 из нескольких сотен образцов документов «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» был неслучайным и основывался на их репрезентативности, позволяющей лучше понять внутреннее устройство Золотой Орды. Соответственно, хотя сам Мухаммед Нахчивани привел три образца ярлыка о назначении эмира улуса, мы сочли целесообразным остановиться на переводе третьего из них, который в свое время перевел и Й. фон Хаммер-Пургшталь – исходя из предположения, что при его выборе он руководствовался наибольшим удобством данного образца для проведения параллелей с аналогичным властным институтом в Улусе Джучи. Наряду с этим, при анализе источника нами также были использованы два других образца, представленных в «Дастур ал-катиб» [22, с. 9–17 араб. паг.].

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммера-Пургшталя [50, s. 463–464] ⁷	Перевод с оригинала [22, с. 17–19 араб. паг.] ⁸
<p>Грамота [ярлык – М.Г.] племенному князю (эмиру улуса), третий образец Эмирам округов десяти тысяч [туменов – М.Г.], тысячникам, сотникам, баскакам, владетелям имений (мульк), полководцам, сеидам, судьям, наместникам, управителям (мутасарриф), писцу земского суда (битикчи), начальствующим (судур), знати, магнатам (аян), благородным людям хорошо оберегаемых земель, вы должны знать нижеследующее: то, что энный великий эмир состоящий с давних пор при наших принцах (акаян), исполняющий служебные обязанности с открытым сердцем, искренне и самоотверженно, и так как он выполняет каждое порученное ему большое и значимое дело похвальным образом, так как он вовремя берется за сложное и рисковое дело организации выступления войска, и ни в коем случае не обвинялся в несправедливости, недоброжелательности, жестокости и неповиновении: то ему по Нашему настоящему хосроевому⁹ повелению передать правление улусом. Мы обеспечиваем себя его прирождёнными и приобретёнными хорошими качествами, дабы он всё возможное старание направил на подобающее обращение с подданными, охрану земель и путей, защиту от мятежников, предотвращение бунтов, устранение злодеев, истребление насильников и уничтожение неприятеля, чтобы он, используя свой хороший опыт и прямоту, сообщал во всех подробностях [его]</p>	<p>[Часть первая. О поручении постов и должностей монгольским эмирам, их помощникам и слугам, содержащая двенадцать разделов.</p> <p>Раздел первый. О поручении [должности] эмира улуса. Три вида.]¹⁰</p> <p>Вид третий. Эмиры областей (اولكا), туменов, тысяч, сотен, баскаки, владетели имений (ملوك), наместники (حكام), сеиды, кадии и [их] заместители, начальники округов (متصرف), [монгольские] писцы (نبتكجيان), начальствующие лица (صدر), вельможи (اكابر), знать (اعيان), благородные люди (معارف) Богохранимых владений да ведают нижеследующее. Поскольку великий эмир такой-то, с давних пор находясь на службе у наших добрых (=покойных) старших братьев (اقايان), добросовестно и самоотверженно выполнял обязанности и наилучшим образом справлялся с каждым сложным поручением и важным делом, которое они ему поручали, во время нахождения войска в походе полагал должным и обязательным для себя претерпевать трудности и опасности, при всех обстоятельствах делал справедливость и беспристрастность платьем и одеянием своей службы, никоим образом не давая возможности проявиться тирании и вражде, угнетению и мятежу, наше правое государево разумение нашло необходимым препоручить ему должность эмира улуса с тем, чтобы нам видеть и знать об использовании им своих добрых обычаев и ценных способностей. Пусть прила-</p>

⁷ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁸ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

⁹ Т.е. монаршее. Хосров I – правивший Ираном шахиншах из династии Сасанидов (531–579). Время правления Хосрова считается «золотой эпохой» в истории Ирана. Его имя впоследствии стало использоваться в персидской официальной документации в качестве синонима могущественного и справедливого правителя.

¹⁰ Название взято из заголовка, стоящего перед первым видом (образцом) документа [22, с. 8–9 араб. паг.].

эмирства, дабы, поддерживая справедливость – это прекраснейшее людское качество, был твердым столпом и путеводной нитью в нормах правления, искусно заботился о благосостоянии подданных, чтобы хорошим поведением, благородными словами и поступками перед Богом приобрёл признание у людей. Итак, волей всемогущего Бога распоряжение этой грамоты (ярлыка) вступает в силу, с началом этого года он назначается эмиром улуса, он должен понимать вышеуказанном способом все дела земель, приказы и запреты должны соотноситься с законом и соответствовать здравому смыслу ясы, необходимо повиноваться и следовать указаниям, избегать неподчинения. Следовательно, этому при управлении землями нужно чтобы не было вреда от бунтовщиков, упрёков жалобщиков, колкостей насмешников и злобы дурных людей; его справедливым судом и заботой должны быть полностью заперты врата несправедливости и вражды, и он обязан быть внимательным во всех делах и начинаниях; его приказы и повеления должны исполняться без промедления, эмиры и войска обязаны по первому его зову быть готовыми к защите от врага, и их долгом является во всём его поддерживать. Члены Великого дивана должны из приходящих налогов из его земель ежегодно отпускать на его имя определённую сумму, на которую он укажет.

гает драгоценные старания в деле оберегания райи¹¹ и всех подданных, защите областей и охране путей, отражении мятежников и подавлении ослушников и обидчиков, сдерживании злоумышленников и тиранов, устранении и удалении врагов и недругов. Пусть постоянно докладывает всё, что станет ему известно и будет им установлено в ходе исполнения им обязанностей эмира [улуса], и [пусть он] поместит справедливость, являющуюся одной из благородных черт его природы, в центр [своего] внимания и в середину [своего] взора. Пусть почитает это за верную основу и надёжный образ действий в принципах [нашего] правления и законоустановлениях, направленных во благо [наших] подданных, дабы он, соизволением Аллаха Всевышнего, удостоился славы и похвалы перед Богом и людьми за благодетельные результаты своих деяний и [благодетельную] суть своих слов и дел. Посему данное повеление ярлыка заключается в том, чтобы с начала настоящего года его почитали исправляющим должность эмира улуса и принявшим на себя вышеописанным образом совокупность дел государства. Пусть принимают его распоряжения (اوامر و نواهي), которые, конечно, будут соответствовать повелениям шариата, требованиям справедливости и беспристрастности и установлениям ясы и ясака (ياسا و ياساق), с покорностью и повиновением, и воздерживаются и остерегаются противодействия. В деле защиты страны от посягательств мятежников, хулы хулителей, злословия злословящих, подстрекательств злоумышленников и запирания ворот тирании и вражды, [а] также по всем остальным [вопросам] пусть руководствуются его основательным мнением и весомым разумением. Пусть во всех случаях признают его самостоятель-

¹¹ Райя (رعایا) – в монгольском Иране обозначение податного населения, часто – подданные вообще.

	<p>ным и самовластным [управителем] и без проволочек и отговорок исполняют его приказы и распоряжения. При отражении недругов эмиры и победоносное войско пусть будут готовы явиться по его требованию, и полагают своей обязанностью прилагать усилия и прикладывать старания [в этом деле]. Пусть должностные лица Великого дивана ежегодно в качестве жалования отсылают на его имя упоминаемую сумму¹², [составляемую] из основного налога и податей (اصل مال و متوجهات), собираемых из мест, откуда ожидается их поступление. Пусть остерегаются уменьшать [сумму жалования] каким бы то ни было образом, и верят [вышеизложенному]¹³.</p>
--	---

Дипломатический комментарий. Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани в своем руководстве для писцов приводит образец документа, характерный для персидского делопроизводства [46, р. 309], вместе с тем в нем находят некоторое проявление и традиции чингизидской канцелярской культуры, на характеристику которых и будет уделено основное внимание в рамках данного раздела.

В дипломатике документ принято делить на три основные части: предшествующий тексту начальный протокол, основная часть (корпус документа, текст) и эсхатокол [16, с. 27; 28, с. 27; 46, р. 301, 309–310; 48]. Но не все указанные части условного формуляра имеют место в рассматриваемом нами источнике. Индивидуальный формуляр данного образца ярлыка включает в себя инскрипцию. Переход от адресата к наррации осуществляется свойственной для персидских документов формулой обнародования «да ведают нижеследующее» (بدانند کی). Наиболее пространной частью разбираемого ярлыка является диспозиция, выражающая сущность издаваемого акта. В целом именно этими компонентами и ограничивается формуляр анализируемого документа. Отсутствие некоторых компонентов начального протокола, основной части и эсхатокола объясняется тем, что мы имеем дело с т.н. формулярником, в котором, как правило, отсутствуют начальные и конечные протоколы. Автор «Дастур ал-катиб» приводит образцы документов, концентрируя внимание лишь на сути властного решения.

Следует отметить, что на структуру документа чингизидских канцелярий оказывает влияние язык и графика, на котором он подготовлен [8, с. 47]. Данное обстоятельство следует учитывать в связи с тем, что в ордынских

¹² Во втором и третьем образцах указа о назначении эмира улуса сумма его жалования не указана.

¹³ В двух списках «Дастур ал-катиб» последняя фраза звучит следующим образом: «Он также, удовлетворившись этой суммой, пусть опасается и остерегается ее увеличения. Писано в ...».

канцеляриях применялись разные языки. Бахши или битикчи при подготовке документа исходили из практической целесообразности или иначе доступности языка документа. Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани пишет: «Все государственные документы каждому народу нужно направлять на его языке: в страны Ирак-и араб – на арабском¹⁴, в Ирак-и аджам, Джибал-и Фарс – на персидском, монголам и тюркам – на тюркском» [33, л. 226; 24, с. 200]. По мнению катиба, этот способ даст возможность точнее понять содержание посланного документа.

Учитывая то, что анализируемый образец ярлыка был связан с назначением на должность эмира улуса, которую занимали представители кочевой элиты государства, можно предположить, что он должен был писаться на монгольском или тюркском языках, при этом он мог дублироваться и на персидском языке для представителей персоязычной бюрократии, соответственно их формуляры должны были существенно отличаться. Исходя из цели нашего исследования, мы попытаемся реконструировать абстрактный формуляр ярлыка на должность эмира улуса в его монгольском или тюркском вариантах.

Если обратиться к анализу начального протокола представленного Мухаммедом Нахчивани документа, то здесь мы можем видеть, характерный для чингизидских, в том числе и золотоордынских [8, с. 33–55; 35, с. 205–228; 18; 52], актовых материалов компонент условного формуляра – инскрипцию (адресат): «Эмиры областей, туменов, тысяч, сотен, баскаки, владельцы имений, наместники, сеиды, кадии и [их] заместители, начальники округов, [монгольские] писцы, начальствующие лица, вельможи, знать, благородные люди Богохранимых владений», где представлен круг должностных лиц, который должен был принять официальный акт к исполнению, поэтому число элементов адресата могло варьироваться и располагались они в определенной иерархической последовательности [8, с. 52–54].

В официальном документе адресату (инскрипции) должны были предшествовать invocatio и intitutiatio, которые в разбираемом нами образце ярлыка отсутствуют. Следует подчеркнуть, что в грамотах Чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским алфавитами сакральные статьи в чистом виде отсутствуют. Грамоты улусных ханов – мусульман, написанные неарабским алфавитом, не могли содержать богословия, ибо прославлять бога им полагалось только на арабском языке и арабским письмом [8, с. 16]. М.А. Усманов, изучавший золотоордынские источники также отмечает, что для джучидских официальных актов invocatio была не строго обязательным компонентом [35, с. 186], ее наличие или отсутствие было связано с конкретными условиями, при которых этот акт издавался.

Сакральные статьи являлись обязательным элементом жалованных грамот, написанных арабским письмом и выдававшихся грамотчикам-мусульманам. Эти статьи могут быть разных видов и, они не имеют прямой смысловой связи с текстом грамот [8, с. 17]. Богословие у мусульманских

¹⁴ Рашид ад-Дин пишет о выдаче ханом Газаном ярлыков с тамгой на арабском языке для правителя сирийского города Рахбы Алям ад-Дина Гитми: «Относительно дел и занятий Гитми, [его] сыновей, тамошних наибов, казиев и служилого люда и безопасности жителей города, крепости и области были написаны по-арабски нерушимые указы и, снабженные тамгою, вручены им» [27, с. 195].

правителей выражалась типичными, канонизированными формулами, наиболее распространенной из которых была *басмала* (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ). Из сохранившихся документов впервые у Хулагуидов басмала встречается в письме ильхана Ахмеда Такудара (1282–1284) от 1282 г. Та же басмала имеет место в письме ильхана Газана (1295–1304) от 1301 г. и во всех его персидских грамотах от 1298–1304 гг. [8, с. 16]. В тоже время мусульманские правители Чингизиды могли использовать и другие формулы богословия (например, наиболее распространенная и краткая формула с арабским местоимением третьего лица единственного числа «Он» (هو), под которым подразумевался Аллах; или формула «Он (бог), богатый (не нуждающийся ни в чем)!» (هو الغني) и др.) [см. также: 12; 19; 35, с. 184–186; 49].

Исходя из этого можно заключить, что ярлык, написанный на уйгурице не имел инвокации, поэтому вполне резонно его отсутствие в приводимом образце, в то время как арабографичный противень на персидском языке мог содержать типичное богословие или преамбулу, также не требующие своей характеристики для опытного писца-делопроизводителя – мунши.

Что касается интитуляции (адресанта), она также была связана с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом адресант мог иметь различные варианты, которые также зависели от языка и графики документа. Например, адресант арабского письма Ахмеда Такудара от 1282 г. состоял из трех оборотов: «Всевышнего бога силою, великого хана благоденствием, Ахмеда указ» (بِقُوَّةِ اللَّهِ تَعَالَى بِاقْبَالِ قَانِ فَرْمَانَ أَحْمَدَ) [8, с. 29], а мотивировочная статья на арабском языке персидской грамоты Газана имела следующий текст: «Всевышнего бога силою и мухамеданской религии благоденствием, султана Махмуда Газана указ» (بِقُوَّةِ اللَّهِ تَعَالَى وَ مِيَامِينَ الْمَلَةِ الْمُحَمَّدِيَّةِ فَرْمَانَ سُلْطَانِ مُحَمَّدٍ مَحْمُودَ) (غازان) [8, с. 29]. В данном адресанте следует обратить внимание на отсутствие упоминания великого хана, благоденствием которого и издается ярлык, здесь моральный авторитет великого хана заменяется исламом. Сохранились документы Газана, адресанты которых написаны на персидском языке: «Всевышнего бога силою и мусульманской религии благоденствием султана Махмуда Газана указ» [8, с. 30] (بِقُوَّةِ خَدَايَ تَعَالَى وَ مِيَامِينَ مَلْتِ مُحَمَّدِي فَرْمَانَ سُلْطَانِ مُحَمَّدِ مَحْمُودِ غَازَانَ). Следует отметить, что содержание адресанта могло отражать конкретную политическую ситуацию или определенные политические акценты при том или ином правителе.

В том случае если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой то, он имел традиционную для чингизидских канцелярий формулу «Слово наше (мое)» (монг. “*Gasan üge manu*”). Впрочем, данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта. Например, грамота ильхана Абу Са’ида от 1320 г. написанная по-монгольски уйгурским алфавитом, состоит из четырех строк:

“*Möngke tngri-yin kücündür*

Muqamad baiyambar-un imadtur

yeke suu jali-yin ibegendür

Busayid bayatur qan üge manu”

«Предвечного бога силою

Мухаммеда пророка помощью

великого благоденствия пламени покровительством

Абу Са’ида багатура хана указ наш» [8, с. 30].

Кроме того, интитуляционная формула «Слово наше» на тюркском языке уйгурской или арабской графикой «*سيوزوميز*» («слово наше») находит широкое применение в персидском делопроизводстве и в последующие эпохи [см. подробнее: 49].

Переход от начального протокола к основной части документа, состоящей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и каррборации, производится посредством характерной для чингизидского делопроизводства арабским письмом формулы-оповещения «да ведают нижеследующее» (*يدانند كى*). И в золотоордынских документах переход от начального протокола к основной части текста осуществляется через формулу-оповещение и, как правило, используется выражение *түзунчэ билиңләр* – «знайте (или: ведайте) по обычаю», но также встречаются и другие фразы: «*бу йарлыкны тутуп турган (фалангә)*» – «держателю этот ярлык (имяреку)», в казанском ярлыке Сахиб-Гирея оповещение выражено фразой: «*бу нишан йиткәч сөз ол ким*» – «когда дойдет этот нишан (указ) речь о том...», а в некоторых крымских ярлыках Сахиб-Гирея после оборота «знающим по обычаю» имеется формула «*мә'лум болсун*» «да будет ведомо» [35, с. 229–230].

Из компонентов условного формуляра в образце данного ярлыка можно выделить наррацию, в которой приводятся мотивы создания документа. Диспозитивная часть выражает сущность акта, в нашем случае она определяется назначением «великого эмира такого-то» на должность эмира улуса. В этой части документа также обозначаются должностные обязанности эмира улуса, в связи с чем, диспозиция рассматриваемого документа представляется весьма пространной. В завершении диспозиции даются указания для адресата или должностных лиц, что в целом свойственно для персидской делопроизводственной традиции [46, р. 309].

В условном формуляре вслед за диспозицией следует санкция. Рашид ад-Дин в своем труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») привел санкцию из ярлыка Абаги (1265–1282) о назначении на должность мушриф¹⁵: «[...] Ежели кто покусится на тебя, тому я знаю как ответить» [28, с. 95]. В золотоордынских актовых материалах переход от диспозиции к санкции оформляется, как правило, оборотами-запретами обобщающего характера: «с какой бы то стороны пусть не чинят им вред и притеснения», «с какой бы то стороны не чинят насилие» [35, с. 247]. Говоря о санкциях, следует обратить внимание на сохранившиеся в пайцзах наиболее лаконичные и консервативные формулировки санкций. Например, на пайцзе хана Узбека читаем: «[...] Узбека повелению, который человек не повинуется, [тот] приступится, умрет». Аналогичный текст, но с указанием имени хана Токты, содержится на поврежденной пайцзе, обнаруженной в XIX в. на территории современной Астраханской области. В пайцзе хана Абдуллы говорится: «[...] кто указу Абдуллы не покорится, тот будет виновен, умрет». Аналогичные санкции представлены и на других сохранившихся пайцзах, выданных от имени Чингизидов [17]. Очевидно, такие формулы санкции применялись лишь на документах, написанных уйгурским письмом, в то время как в актах, адресованных мусульманским поданным, или же написанных арабским письмом на

¹⁵ Мушриф – ар. букв. «надзиратель», чиновник налогового аппарата.

персидском или арабском языках, они могли иметь религиозную окраску и более пространную формулировку. Рашид ад-Дин в списках грамот Газана приводит разные типы санкций. Например, в списке с указа Газана, который он издал по поводу проб золота и серебра представлена следующая формулировка санкции: «Каждый, кто произведет изменение или подмену, будет виновен и подлежит казни» [28, с. 275]. В другом списке содержится санкция иного характера: «На тех, кто после того, как слышал это [завещание], переменит его, на том будет грех» [28, с. 285]. В данном образце она выглядит следующим образом: «Пусть остерегаются уменьшать [сумму жалования] каким бы то ни было образом, и верят [вышеизложенному]».

В рассматриваемом нами документе также не представлена корроборация (своего рода ссылка на печать). По данным М.А. Усманова корроборационные формулы обязательны прежде всего для жалованных и официальных актов, имевших силу закона в общегосударственном масштабе, в то время как они не были обязательны для тех собственно ханских ярлыков, которые имели силу не всеобщего закона-жалования, а носили частный, в некоторой степени сугубо служебный характер. Но при этом следует подчеркнуть, что отсутствие специальных формул в основной части было не всегда равносильно отсутствию оттисков печатей на документах [35, с. 255–256]. В золотоордынских актах корроборация выражалась конструкцией типа «говоря так, на держание дан ярлык с таким-то (называется цвет, позднее и форма печати) нишаном (~такой-то тамгой)». Если отбросить предикативные части предложений («говоря так, на держание дан...»), остается ядро формулы – цвет и форма удостоверительного знака» [35, с. 252]. В грамоте Абу-Саида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке уйгурицей корроборация представлена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (“Altan gerege al tamγatai jrly soyurqju ögbei”) [8, с. 67].

Корроборация завершает основную часть формуляра чингизидских документов. Далее переходим к характеристике конечного протокола (эсхатокола), который в анализируемом документе также не представлен. Эсхатокол документов хулагуидских, как и в целом чингизидских канцелярий, должен был содержать указание даты и места выдачи. Рашид ад-Дин, в приводимых им списках фирманов Газана, обозначает эту часть следующим условным образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [28, с. 285]. Датировка документов зависела от языка, на котором он был написан. В дополнение к словам Рашид ад-Дина следует добавить, что изначально в чингизидских канцеляриях в документах выполненным уйгурской графикой дата приводилась по монгольскому двенадцатилетнему животному циклу, истоки которого восходят к календарной системе тюрков-уйгур¹⁶. Затем по мере приобщения к исламу, наряду с ней указывалась дата по мусульманскому летоисчислению [8, с. 68–69; 46, р. 310]. В Иране двенадцатилетний животный цикл сохранялся вплоть до первой трети XX в. Далее указывалось место нахождения ставки во время выдачи документа. Конечный протокол чингизидских актов также мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. В государствах Джучидов сведения об исполнителях,

¹⁶ Лунно-солнечный календарь 12-летнего животного цикла был официально введен в Монгольском государстве в 1210 г. [39, с. 207–209].

как правило, состоят из двух основных компонентов: имен, титулов ходатаев и секретарей-писцов. В полном виде статья выглядит так: «Прошение доложил Мухаммад-бек, писал я, главный секретарь Муртаза-бахший» [35, с. 267]. До конца XV – начала XVI вв. сведения об исполнителях в персидских документах писались справа под текстом и перпендикулярно ему [46, р. 310].

Как видно из формулярного анализа образца ярлыка на назначение эмира улуса, Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани делает акцент на основной части документа, концентрируя внимание на формулировку нарративной и диспозитивной части ярлыка, при этом остаются не представленными значимые части условного формуляра. В частности, в начальном протоколе отсутствуют invocatio и intitutiatio, в основной части не представлены санкция и corroboratio, а конечный протокол и вовсе не представлен. Очевидно данное обстоятельство объясняется тем, что отсутствующие части формуляра были шаблонными и не требовали от катиба или мунши серьезных размышлений относительно их формулировки. В целом Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани мог рассматривать отсутствующие части формуляра как очевидные для каждого мало-мальски сведущего канцеляриста, т.к. инструкция предназначалась в первую очередь катибам, которые уже обладают определенным опытом, поэтому их указание могло считаться не требующей своей характеристики.

В целом, завершая формулярный анализ образца ярлыка о назначении эмира улуса можно утверждать, что он подготовлен на основе персидских традиций, но с отдельными элементами присущими чингизидским канцеляриям, что сближает их с документами канцелярий Джучидов. С большой долей уверенности можно сказать о том, что и в Золотой Орде ярлыки на назначение на должность оформлялись подобным образом.

Историко-правовой комментарий. Исследуемый ярлык является указом о назначении на должность высокопоставленного сановника, именуемого эмиром улуса (امير الؤس). Сразу следует отметить, что термин «улус» в политической и государственной риторике Хулагуидов, равно как и ранних Джалаиридов (к правлению которых относится сочинение Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани) означал преимущественно само государство в целом, т.е. наследственное владение («патримоний») правящей династии¹⁷.

Таким образом, казалось бы, речь идет об эмире, властные полномочия которому вручаются над всем государством. Таковым являлся беклербек, фактически являвшийся неким аналогом современных премьер-министра и военного министра одновременно. Именно он являлся верховным военачальником в государствах Чингизидов, которому подчинялись другие полководцы и родоплеменные вожди во время боевых действий. Его авторитет подкреплялся не только ханской волей, но и собственным положением в иерархии: как правило, на эту должность назначались главы крупнейших родоплеменных объединений соответствующего государства [см. подробнее: 25, с. 98–99].

На широкие полномочия сановника, назначаемого на должность в соответствии с указанным ярлыком, указывает, во-первых, широкий круг его ад-

¹⁷ См. новейшие исследования по данной тематике [21, с. 16–17; 51, р. 17–24; 60, р. 4, 36, 38, etc.].

ресатов – от «эмиров областей» (т.е. «гражданских» губернаторов), «туменов» (т.е. темников, предводителей 10-тысячных отрядов, являвшихся также «военными губернаторами» областей, способных выставить соответствующее число воинов) до судей, родоплеменных предводителей и «благородных людей» в целом.

Во-вторых, как следует из ярлыка, на данного сановника возлагается весьма обширный круг обязанностей по защите государства от внутренних и внешних врагов, а также некоторые судебные функции.

Таким образом, основу деятельности назначаемого должностного лица составляют функции обороны и охраны правопорядка. При этом его действия и решения должны были «соответствовать повелениям шариата, требованиям справедливости и беспристрастности и установлениям ясы и ясака (ياساق و ياسا)», т.е. не противоречить как канонам ислама, со времен ильхана Газана являвшегося официальной религией в государстве Хулагуидов, так и принципам монгольского имперского законодательства, заложенным еще Чингизханом¹⁸. Это отражает особенности государственной идеологии поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов, достаточно широко освещенной в «Дастур ал-катиб» в целом [55, р. 129–136; см. также: 43, р. 72–74]: с одной стороны, подчеркивалась ревностная приверженность правителей к исламу (и, соответственно, каждый высокопоставленный сановник должен был исповедовать именно эту веру), с другой – подчеркивалось их преемство от Чингиз-хана и созданной им Монгольской империи (и власть высших чинов государства Хулагуидов легитимировалась именно их правовым наследием).

Однако некоторые положения анализируемого ярлыка дают основания для сомнений в том, что речь в нем идет о назначении именно беклербека.

Во-первых, сам термин «улус» в Монгольской империи и государствах – ее наследниках был не столь однозначным и все же не во всех случаях означал именно государство или совокупность его подданных в целом [см. подробнее: 29, с. 7–10].

Во-вторых, среди полномочий назначаемого сановника упоминаются судебные полномочия – сначала, при описании основных его функций, требование «[пусть он] поместит справедливость... в центр [своего] внимания и в середину [своего] взора», а ниже – указание на «его справедливый суд» (у Й. фон Хаммера-Пургшталя) и «основательное мнение и весомое разумение» (в современном переводе). О специальном суде беклербека нам неизвестно¹⁹.

Наконец, весьма любопытные сведения о статусе беклербека в монгольском Иране приводит Т.Т. Оллсен, согласно которому назначение на этот пост происходило ярлыком не ильхана, а монгольского великого хана – императора династии Юань, который официально признавал обладателя этой должности «эмиром четырех улусов» [44, р. 32–34].

---

¹⁸ Позволим себе предположить, что смысл связки «яса и ясак», неоднократно встречающейся в ярлыках из «Дастур ал-катиб», заключается в следовании как собственно предписаниям Чингиз-хана (яса), так и базовым принципам законности и правопорядка (ясак), поддерживаемых благодаря этим предписаниям.

¹⁹ Возможно, впрочем, во время походов он мог обладать статусом верховного судьи в отношении подчиненных ему полководцев, командиров и воинов.

Однако кто же еще в государствах Чингизидов мог обладать столь же обширнейшим кругом полномочий, но при этом мог быть назначен на должность непосредственно ильханом?

Ответ на это дает обращение к другому источнику, датируемому несколькими десятилетиями ранее, чем «Дастур ал-катиб» – сочинению вышеупомянутого арабского ученого первой половины XIV в. Ибн Фадлаллаха ал-‘Умари «Ат-Та‘риф фи-л-мусталах аш-шариф» («Определение по части высокой терминологии»), которое также являлось пособием для чиновников. Согласно этому автору, термин «эмир улуса» в государстве Хулагуидов относился не только к беклербеку: он являлся лишь старшим из четырех обладателей этого титула («умара ал-улус»). Остальные трое называются просто «эмирами улуса» (что и нашло отражение в данном ярлыке), однако именно «этими четырьмя эмирами» решалось «всякое важное дело» [34, с. 249; см. также: 55, р. 82–84, 86, 94].

Ю. Шамильоглу, посвятивший фундаментальное исследование позднему варианту института «эмиров улуса» – карачи-беям, базируясь преимущественно на золотоордынском материале, тем не менее, отмечает его наличие в Иране, опираясь как раз на труд ал-‘Умари [41, с. 79–81]. Однако его фиксирует в одном из своих писем Рашид ад-Дин, который упоминает «Чупана, который принадлежит к эмирам улуса» [27, с. 186].

Судя по всему, возникновение этого института было связано с существенным расширением владений Хулагуидов, осуществлять управление которыми исключительно из одного центра было уже невозможно. Соответственно, появляются своего рода «округа», вся полнота власти в которых и переходила в руки «эмиров улуса», которые, по сути, дублировали в этих округах власть беклербека. При этом, как уже отмечалось выше, они участвовали также в принятии важнейших политических решений и в масштабах всего государства.

Наконец, становится понятной и судебная компетенция «эмира улуса»: в качестве высшего администратора, главы крупного региона, он обладал и верховенством судебной власти в нем. Как известно, в средневековой традиции (причем отнюдь не только в тюрко-монгольской) правосудие осуществляли представители администрации различного уровня. Соответственно, для подведомственного ему региона эмир улуса являлся высшей судебной инстанцией, пересмотреть или отменить решение или приговор которой мог только назначивший его ильхан.

По нашему мнению, этот ярлык представляет интерес и ценность не только для изучения особенностей развития государственности монгольского Ирана эпохи Хулагуидов и Джалаиридов, но и других государств Чингизидов – в первую очередь, соседнего Улуса Джучи. Принимая во внимание отмеченное выше единство делопроизводства и аппарата управления в современных друг другу государствах Чингизидов, полагаем, что мы имеем основания предположить, что аналогичными актами назначались на должность и эмиры улуса в Золотой Орде, от которой, к сожалению, документов такого рода до нашего времени не дошло.

Появление института эмиров улуса (улус-беков) в Золотой Орде мы связываем с административной реформой хана Узбека, реализованной около

1320 г., которая, согласно нашему ранее высказанному предположению, до некоторой степени могла стать рецепцией из опыта империи Юань – с той только разницей что вместо постов китайских «генерал-губернаторов» были учреждены должности более понятных для тюркского населения государства Джучидов «улус-беки» [см. подробнее: 25, с. 37–43].

В отличие от монгольского государства в Иране, более обширная Золотая Орда была разделена не на 3 или 4, а на 10 округов, во главе каждого из которых, возможно, и стоял улус-бек. Названия и краткие описания этих округов приводит ал-Калкашанди [11, с. 282–292]. Статус и значение улус-беков были столь высоки, что эту должность вручали самым высокопоставленным представителям правящей элиты, в т.ч. ханским родственникам и зятьям. В частности, к таковым относились Кутлуг-Тимур, двоюродный брат хана Узбека, впоследствии занимавший пост беклербека, а также кият Исатай (Астай), связанный узами кровного родства с правящим родом Джучидов и др. [34, с. 308–312; 36, с. 43].

Опираясь на анализируемый документ, мы можем более предметно охарактеризовать статус улус-бека в Золотой Орде – по аналогии с «эмиром улуса» в монгольском Иране.

Сразу считаем целесообразным отметить, что властные функции подобных сановников были связаны, как вытекает из содержания документа, в первую очередь, с военной сферой и, как следствие, в ведении его находилось преимущественно кочевое (тюркское и монгольское) население, тогда как оседлые подданные подчинялись представителям гражданской администрации. Согласно Мухаммеду Нахчивани, это разделение находило отражение даже в формальной рассадке представителей властной элиты на церемониях: «сановники государства, если они из тюрков, идут в йурт эмиров, а если они из таджиков, то – в йурт везирей» [цит. по: 32, с. 81-82].

На должность улус-бека мог претендовать человек, лично известный самому хану или его «старшим братьям» («акаян»²⁰), т.е. предшественникам на троне (которых Й. фон Хаммер-Пургшталь, вероятно, ошибочно характеризует как «принцев», т.е. просто старших представителей правящего рода), на службе у которых он имел возможность проявить необходимые качества – усердие, самоотверженность, способность к самостоятельному принятию решений, военный талант и др.

В рамках вверенного ему региона в подчинении этого администратора находились:

- представители военной администрации: (эмиры областей и туменов – темники и нижестоящие – тысячники, сотники и «полководцы», т.е., вероятно, те представители командования, которые обладали полномочиями лишь в период боевых действий;

- представители гражданского управления: баскаки (даруги), наместники, «начальники округов» (мутасарриф), иные «начальствующие лица» (судур);

- судьи и писцы судов (битикчи);

---

²⁰ Множественное число от «ака» – старший представитель правящей династии, вероятно, владетельный царевич (в отличие от «ини» – младшего).

- обладатели владений в рамках соответствующих областей: владельцы имений (ملك), знать, (или «магнаты», как переводит этот термин Й. фон Хаммер-Пургшталь), «благородные люди».

На своей должности улус-беку приходилось отвечать, во-первых, за обеспечение безопасности вверенного ему региона, «областей» и «путей» от внешних врагов (соответственно, все военачальники региона должны были выполнять его распоряжения «по его требованию»); во-вторых – за поддержание законности и правопорядка, борясь с преступниками – от мятежников против ханской власти до насильников и грабителей.

Любопытно, что представителям военной и гражданской администрации региона вменялось в обязанность не только принимать «его распоряжения... с покорностью и повиновением» и остерегаться «противодействия» улус-беку, но также прилагать усилия по защите страны от «хулы хулителей, злословия злословящих»: можно предположить, что речь идет о выказывании уважения власти и недопущении ее оскорбления. Все это лишней раз подчеркивает высокий статус улус-бека, его принадлежность к высшей аристократии государства и подотчетность непосредственно назначившему его государю.

За исполнение своих обязанностей улус-бек получал ежегодное жалование, которое центральному финансовому ведомству («Великому дивану») не позволялось «уменьшать... каким бы то ни было образом». В связи с этим нельзя не вспомнить о централизованном сборе налогов в ханскую казну, после чего собранные суммы распределялись между регионами в зависимости от политики государства и, как видим из данного документа, с учетом статуса «эмиров улуса». Подобная практика не была уникальной в Иране: аналогичным образом осуществлялся сбор налогов и распределение средств и в других государствах Чингизидов [см.: 4, с. 396].

Заключение. Подводя итоги, необходимо констатировать большую роль, которую сыграл Й. фон Хаммер-Пургшталь в развитии востоковедения. Он первым из исследователей Золотой Орды обратил внимание на веские основания использовать трактат Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» при изучении внутреннего устройства Улуса Джучи.

Анализируемый образец ярлыка подготовлен на основе персидских делопроизводственных традиций, но с элементами присущими канцелярским нормам Чингизидов, которые продолжали существовать и в государстве Джалаиридов, политическом правопреемнике хулагуидского Ирана, что может объясняться общими истоками, не только канцелярской, но и политической культуры государств Чингизидов.

Анализ приведенных в «Дастур ал-катиб» текстов ярлыка о назначении эмира улуса позволяет уточнить семантику некоторых тюрко-монгольских терминов, использовавшихся в Иране, в частности, слов «улус» и «улусный эмир / улус-бек». А именно, подводит нас к выводу о том, что термин «улус» в монгольском Иране означал совокупность представителей тюрко-монгольских кочевых племен – подданных ильханов, а «эмиры улуса» являлись высшими должностными лицами, которые были уполномочены ильханами осуществлять управление улусом Хулагуидов как административно единым организмом (а не своими уделами-улусами). Учитывая схожесть ад-

министративного устройства монгольского Ирана и Улуса Джучи, отмечаемого ал-‘Умари и ал-Калкашанди, представляется целесообразным учитывать данную особенность применительно к золотоордынским реалиям XIV в. (а может быть, и более раннего периода).

Анализ этого документа, как представляется, дает также возможность пролить некоторый свет на отношения Орды с русскими княжествами, а именно – на содержание ярлыков, которыми ханы-Джучиды признавали владетельных Рюриковичей в качестве князей на великом столе, а в ряде случаев – и в их собственных уделах. Попытка реконструкции такого ярлыка предпринималась одним из авторов настоящего исследования ранее [25, с. 188–193], однако при этом он базировался на косвенных источниках. Теперь же, имея представление о статусе наместников наиболее крупных регионов в государствах Чингизидов, исходя из сходства делопроизводственных традиций Хулагуидов и Джучидов, равно как и факта инкорпорации русских князей в состав правящей элиты Улуса Джучи [см., напр.: 31; 42, с. 233 и след.], считаем возможным предпринять попытку повторной реконструкции типового формуляра ярлыка золотоордынского хана русскому князю – обладателю великого стола, которого в рамках ордынской властной иерархии и политической идеологии можно соотнести по статусу с улус-беками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татарское книжное изд-во, 2013. 311 с.
2. Бартольд В.В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 365–368.
3. Бартольд В.В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 313–338.
4. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
5. Выписка из протоколов заседаний Императорской академии наук // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XI. 1836. С. 149–160.
6. Гатин М.С. Проблемы истории Улуса Джучи и позднезолотоордынских государств в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань: Хэтер, 2009. 343 с.
7. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
8. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.
9. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Историко-ведческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 276 с.
10. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Историко-ведческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.
11. Григорьев, А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 261–302.

12. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И.М. Миргалеев. Симферополь: Константа, 2017. 816 с.
13. Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 32–42.
14. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
15. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. В.В. Струве, И.А. Орбели, И.П. Петрушевского. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. 391 с.
16. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 229 с.
17. Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские паицзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник. Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 213–224.
18. Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р.Р. Галеева; отв. ред. Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
19. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб.: Б.и., 1864. 948 с.
20. Мелиоранский П. О Кудатку Билике Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XIII. 1900. С. 015–023.
21. Мустакимов И.А. Государственное устройство, территориальный состав и этносоциальная структура Джучиева Улуса XIII–XVI вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Казань: Б.и., 2012. 23 с.
- 21а. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. I. Ч. 1. М.: Наука, 1964. 20+586 с.
22. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. Москва: Наука, 1976. 70+524 с.
23. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юридической лит-ры, 1955. 527 с.
- 23а. Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.
24. Пириев В.З. О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 197–203.
25. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
26. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
27. Рашид ад-Дин. Переписка / Пер., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М.: Наука, 1971. 500 с.
28. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, отв. ред. В.В.Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

29. Рыкин П.О. Монгольская средневековая концепция общества: некоторые ключевые понятия (по материалам «Тайной истории монголов» и других среднемонгольских текстов). Автореф. ... канд. ист. наук. СПб.: Б.и., 2004. 22 с.
30. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке веков и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / Сост. И.Б.Муслимов. М.: ИНСАН, 1996. С. 280–524.
31. Селезнев Ю. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.
32. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2021. 448 с.
33. Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед.хр. 14–16. Л. 217–239.
34. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
35. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
36. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Пер. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
- 36а. Фаверо М. К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г.: сб. статей. Казань, 2009. Вып. 1. С. 46–54.
37. Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.
38. Хаутала Р. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3(5). С. 31–48.
39. Цибульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: синхронистические таблицы и пояснения. М.: Наука, 1964. 236 с.
40. Чиркова А.В. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 92 с.
41. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде / Пер. с англ. Ч.И. Хамидовой и Р. Хауталы; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.
42. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.
43. Aigle D. Iran under Mongol domination: The effectiveness and failings of a dual administrative system // Bulletin d'études orientales. No. LVII (Suppl.). 2008. Le pouvoir à l'âge des sultanats dans le Bilād al-Shām. Séminaire IFPO-ACOR, Amman 15–16 mai 2005. P. 65–78.
44. Allsen T.T. Notes on Chinese titles in Mongol Iran. *Mongolian Studies*. Vol. 14. 1991. The Hangin Memorial Issue. P. 27–39.
45. Bayani Sh. Ta'rikh-e Al-e Jalayir. Tehran: Entesharat-e Daneshgah-e Tehran, 1382.
46. Busse H. Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol.II. P. 301–313.
47. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. No. 1–2 (Jun., 1953). P. 1–107.
48. Favereau M. La horde d'or de 1377 à 1502. Aux sources d'un siècle «sans Histoire». *Labyrinthe*. Vol. 21. 2005. No. 2. P. 153–158.

49. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Akademiai Kiadó, Budapest 1977. 594 s., 242 Tfn.

50. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

51. Kuang Sh. For king and what country? Chunggisid-Timurid conceptions of rulership and political community in relation to territory, 1370–1530. Ph.D. Diss. Toronto: S.n., 2020. 225 p.

52. Melek Özyetgin A., Kemaloğlu İ. Altın Orda Hanlığına ait resmi yazışmalar. Ankara: TTK, 2017. 171 s.

53. Roemer H.R. Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 s.

54. Spuler B. İran Moğolları. Siyaset, İdare ve Kültür. İlhanlılar Devri, 1220–1350. Çev. C. Köprülü. Ankara: TTK Basımevi, 2011. 574 s.

55. Wing P. The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East. Edinburgh University Press, 2016. XII + 228 p.

Сведения об авторах: Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ильяс Альфредович Мустакимов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация), ведущий научный сотрудник отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан (420060, ул. Пушкина, 86, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (194100, ул. Кантемировская, 3, корп. 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); главный научный сотрудник НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (656049, ул. Димитрова, 66, Барнаул, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила 18.08.2022 Принята к публикации 25.11.2022

Опубликована 29.12.2022

REFERENCES

1. Abzalov L.F. *Ordynskaya kantselyariya* [The Golden Horde Chancellery]. Kazan: Tatar Booking Press, 2013. 311 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов [On the Issue of Uyghur Literature and its Influence on the Mongols], in: Bartold V.V. *Sochineniya* [Collected works]. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1968, pp. 365–368. (In Russian)
3. Bartold V.V. Persidskaya nadpis' na stene aniyskoy mecheti Manuche [Persian inscription on the wall of the Ani' mosque of Manuche], in: Bartold V.V. *Sochineniya* [Collected works]. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1966, pp. 313–338. (In Russian)
4. Vladimirtsov B.Ya. Obshchestvennyy stroy mongolov: Mongol'skiy kochevoy feodalizm, in: Vladimirtsov B.Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov*. Moscow: Vostochnaya literatura., 2002, pp. 295–488. (In Russian)
5. Vypiska iz protokolov zasedaniy Imperatorskoy akademii nauk. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Pt. 11. 1836, pp. 149–160. (In Russian)
6. Gatin M.S. *Problemy istorii Ulusa Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh gosudarstv v nemeckoj istoriografii XIX–XX vv.* [Problems of the history of Ulus Jochi and the late Golden Horde states in German historiography of the 19th–20th centuries.] Kazan: Heter Publ., 2009. 343 p. (In Russian)
7. Grekov B.D., Yakubovskij A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1950. 479 p. (In Russian)
8. Grigor'ev A.P. *Mongol'skaya diplomatika XIII–XV vv. (Chingizidskie zhalovannye gramoty)* [Mongolian diplomacy of the XIII–XV centuries. (Chingisid diplomas)]. Leningrad: Leningrad University Press, 1978. 136 p. (In Russian)
9. Grigor'ev A.P. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam. Istochniko-vedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [Collection of Khan' Yarlighs to Russian metropolitans. Source analysis of the Golden Horde documents]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. 276 p. (In Russian)
10. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoye issledovanie* [Collection of Golden Horde documents of the 14th century from Venice: Source study]. St Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002. 276 p. (In Russian)
11. Grigor'ev, A.P., Frolova O.B. Geograficheskoe opisanie Zolotoy Ordy v Entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al-Kalkashandi]. *Tyurkologicheskiy sbornik*. 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie [Turkic Studies Collection. 2001: The Golden Horde and its legacy], pp. 261–302. (In Russian)
12. *Dokumenty Krymskogo hanstva iz sobraniya Husejna Fejzkhanova* [Documents of the Crimean Khanate from the collection of Huseyn Fejzkhanov] / Comp. and translit. by R.R. Abduzhemilev; ed. by I. Mirgaleev. Simferopol: Konstanta Publ., 2017. 816 p. (In Russian)
13. Yegorov V.L. Gosudarstvennoye i administrativnoye ustroystvo Zolotoy Ordy [State and Administrative Structure of the Golden Horde]. *Voprosy istorii* [The Problems of History], 1972, no. 2, pp. 32–42. (In Russian)
14. Yegorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde of 13th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1985. 246 p. (In Russian)
15. *Istoriya Irana s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of Iran since the earliest times to the end of the 18th century] / Ed. by V.V. Struve, I.A. Orbeli, I.P. Petrushevskiy. Leningrad: Leningrad University Press, 1958. 391 p. (In Russian)

16. Kashtanov S.M. *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian diplomacies]. Moscow: Nauka, 1970. 229 p. (In Russian)
17. Kramarovskiy M.G. Simvoly vlasti u rannih mongolov. Zolotoordynskie pajczy kak fenomen oficial'noj kul'tury [Symbols of power among the early Mongols. Golden Horde Paizi as a phenomenon of official culture]. *Tyurkologicheskij sbornik*. 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie [Turkic Studies Collection. 2001: The Golden Horde and its legacy], pp. 213–224. (In Russian)
18. Kurat A.N. *Sobranie sochineniy*. Kn. 1. Yarlyki i bitiki khanov Zolotoy Ordy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeya dvortsa Topkapy [Collected works. Bk. 1. Yarlyks and batiks of khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the archive of the Topkapy palace museum]. Transl. from Turk. by R.R. Galeev; ed. by L.I. Shakhin, I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 256 p. (In Russian)
19. *Materialy dlya istorii Krymskogo hanstva, izvlechennyye po rasporyazheniyu imp. Akademii nauk iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannyh del* [Materials for the history of the Crimean Khanate extracted at the direction of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow central archive of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: S.n., 1864. 948 p. (In Russian)
20. Melioranskiy P. O Kudatku bilike Chingiz-khana [On the Qutatqu Biliq of Chingis Khan]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obschestva* [Proceedings of Oriental Branch of Imperial Russian archeological society]. 1901, 13, pp. 015–023. (In Russian)
21. Mustakimov I.A. *Gosudarstvennoe ustroystvo, territorial'nyi sostav i etnosotsial'naya struktura Dzhuchieva Ulusa XIII–XVI vv.* Avtoref. ... kand. ist. nauk [State system, territorial and ethno-social structure of Juchi's Ulus in 13th–16th centuries. Abstract of Cand. Sci. Thes. (History)]. Kazan: S.n., 2012. 23 p. (In Russian)
- 21a. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-khatib fi ta'yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepeney) [A Scribe's Guide to Determining Degrees]. Crit. text, intr. and index by A.A. Alizade. Vol. I. Ch. 1. Moscow: Nauka, 1964. 20+586 p. (In Persian)
22. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-khatib fi ta'yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepeney) [A Scribe's Guide to Determining Degrees]. Crit. text, intr. and index by A.A. Alizade. Vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 70+524 p. (In Persian)
23. *Pamyatniki russkogo prava*. Vyp. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XIV–XV vv. [Monuments of Russian Law. Iss. 3. Legal monuments of the period of formation of the Russian centralized state. 14th–15th cc.]. Ed. by L.V. Cherepnin. Moscow: State Press of Legal Literature, 1955. 527 p. (In Russian)
- 23a. Petrushevskiy I.P. *Zemledelie i agrarnyye otnosheniya v Irane XIII–XIV vv.* [Agriculture and Agrarian Relations in Iran 13th–14th cc.]. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 492 p. (In Russian)
24. Piriev V.Z. *O nekotoryh voprosah gosudarstvennogo ustrojstva pri hulaguidah i dzhalariidah (po materialam «Dastur al-khatib fi ta'yin al-maratib» Muhammada ibn Hindushaha Nakhchivani)* [On some issues of state structure under the Hulaguids and Jalairids], in: *Sovetskoe vostokovedenie problemy i perspektivy* [Soviet Oriental Studies: problems and prospects]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 197–203. (In Russian)
25. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [Law of the Golden Horde]. Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Fen, 2009. 260 p. (In Russian)
26. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordy (istoriko-pravovyye ocherki)* [Legal culture of the Golden Horde (historical legal essays)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 312 p. (In Russian)

27. Rashid ad-Din. *Perepisika* [Correspondence]. Transl., intr. and commnts by A.I. Falina Moscow: Nauka, 1971. 500 p. (In Russian)
28. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Transl. from Pers. by A.K. Arends; ed. by V.V. Struve. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 340 p. (In Russian)
29. Rykin P.O. *Mongol'skaya srednevekovaya kontseptsiya obshchestva: nekotorye klyucheveye ponyatiya (po materialam «Taynoy istorii mongolov» i drugikh sredne-mongol'skikh tekstov)*. Avtoref. ... kand. ist. nauk [Mongolian medieval conception of society: some key terms (based on the "Secret history of Mongols" and other medieval texts. Abstract of Cand. Sci. Thes. (History)]. St. Petersburg: S.n., 2004. 22 p. (In Russian)
30. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoj Ordy* [The collapse of the Golden Horde], in: *Na styke vekov i civilizacij... Iz opyta obrazovaniya i raspada imperij X–XVI vv.* [At the junction of centuries and civilizations ... From the experience of the formation and collapse of empires of the 10th–16th cc.]. Comp. by. I.B. Muslimov. Moscow: INSAN Publ., 1996, pp. 280–524. (In Russian)
31. Seleznev Yu. *Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy* [Russian princes at t6he court of the Golden Horde khans]. Moscow: Lomonosov Publ., 2017. 272 p. (In Russian)
32. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chingis Khan and Chingisids. Fate and power]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2017. 448 p. (In Russian)
33. Tiesenhausen W.G. *Iz sochineniya Muhammada Hindushaha Nakhchivani. Rukopisnyj perevod* [From the treatise of Muhammad Hindushah Nakhchivani. Written translation], in: *Arhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisey RAN* [Archive of orientalists of the St. Petersburg Branch of Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Fund 52, storage unit. 14–18, pp. 217–239. (In Russian)
34. Tiesenhausen W.G. *Sbornik materialov, otnosyashchihsyia k istorii Zolotoy Ordy*. Vol. 1. *Iz vlecheniya iz sochinenij arabskikh* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. St. Petersburg: Publ. by Count S.G. Stroganoff, 1884. 564 p. (In Russian)
35. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Ulus of Jochi of 14th–16th cc.]. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p. (In Russian)
36. Utemish-khadzhi. *Kara tavarikh*. Transl. by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinovf; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Institute of history named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 312 p. (In Russian)
- 36a. Favereau M. *K voprosu ob al'yanse mezhd u Zolotoy Ordoy i Mamlyukskim sultanatom po arabskim istochnikam* [On the question of the alliance between the Golden Horde and the Mamluk Sultanate according to Arab sources], in: *Zolotoordynskoe nasledie* [Legacy of the Golden Horde]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)"*. 17 marta 2009 g.: sb. statey. Kazan, 2009. 1st Issue. P. 46–54. (In Russian).
37. Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po social'no-ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th–14th cc.]. Ashkhabad: Ylym, 1985. 134 p. (In Russian).
38. Khaotala R. *Yarlyk khana Uzbeka frantsiskantsam Zolotoy Ordy 1314 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii* [Yarlyk of Khan Uzbek to Franciscans of the Golden Horde of 1314: text, Russian translation and comments]. *Golden Horde Review*, 2014, no. 3 (5), pp. 31–48. (In Russian)
39. Tsiibul'skiy V.V. *Sovremennye kalendari stran Blizhnego i Srednego Vostoka: sinhronisticheskie tablicy i poyasneniya* [Modern calendars of the countries of the Near and Middle East: synchronistic tables and explanations]. Moscow: Nauka, 1964. 236 p. (In Russian)

40. Chirkova A. V. *Zapadnoevropejskaya diplomatika Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni* [Western European diplomacy of the Middle Ages and Early Modern Times]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 92 p. (In Russian)
41. Schamiloglu U. *Tribal politics and social organization in the Golden Horde* [Rus. transl.: Plemennaya politika i sotsial'noe ustroystvo v Zolotoy Orde. Transl. by Ch.I. Khamidova and R. Khautala; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Institute of history named after Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. 260 p.].
42. Yurchenko A.G. *Zolotaya Orda: mezhdru Yasoy i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt* [The Golden Horde: between Yasa and Koran (beginning of the conflict). The book-synopsis]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2012. 368 p. (In Russian)
43. Aigle D. Iran under Mongol domination: The effectiveness and failings of a dual administrative system. *Bulletin d'études orientales*, no. LVII (Suppl.), 2008. Le pouvoir à l'âge des sultanats dans le Bilād al-Shām. Séminaire IFPO-ACOR, Amman 15–16 mai 2005, pp. 65–78. (In English)
44. Allsen T.T. Notes on Chinese titles in Mongol Iran. *Mongolian Studies*, vol. 14, 1991. The Hangin Memorial Issue, pp. 27–39. (In English)
45. Bayani Sh. *Ta'rikh-e Al-e Jalayir*. Tehran: Entesharat-e Daneshgah-e Tehran, 1382. (In Persian)
46. Busse H. Diplomatique. Perse, in: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 1991, pp. 301–313. (In French)
47. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran, in: *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. No. 1–2 (Jun., 1953). Pp. 1–107. (In English)
48. Favereau M. *La horde d'or de 1377 à 1502. Aux sources d'un siècle «sans Histoire»*. *Labyrinthe*, vol. 21, 2005, no. 2, pp. 153–158. (In French)
49. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente*. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Akademiai Kiadó, Budapest 1977. 594 s., 242 Tfn. (In German)
50. Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 p.(In German)
51. Kuang Sh. *For king and what country? Chunggisid-Timurid conceptions of rulership and political community in relation to territory, 1370–1530*. Ph. D. Diss. Toronto: S.n., 2020. 225 p. (In English)
52. *Melek Özyetgin A., Kemaloğlu İ.* Altın Orda Hanlığına ait resmi yazışmalar. Ankara: TTK, 2017. 171 p.(In Turkish)
53. Roemer H.R. *Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung*. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 p.(In German)
54. Spuler B. *İran Moğolları. Siyaset, İdare ve Kültür. İlhanlılar Devri, 1220–1350*. Çev. C. Köprülü. Ankara: TTK Basımevi, 2011. 574 p.(In Turkish)
55. Wing P. *The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh University Press, 2016. XII + 228 p. (In English)

About the authors: Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420021, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420021, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan 420021, Russian Federation); Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Rare Books, National Library of the Republic of Tatarstan (86, Pushkin Str., Kazan 420060, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University in St. Petersburg (3, bd. 1, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); Chief Researcher of the Scientific and Educational Center of Altaistics and Turkology “The Great Altai” (66, Dimitrova Str., Barnaul 656049, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Received August 18, 2022 Accepted for publication November 25, 2022

Published December 29, 2022